

На правах рукописи

КАРИМОВ Рамиль Наилевич

**МЕДИАТОР КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ
(социально-философский анализ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, доцент
Тагиров Филипп Владимирович

Официальные оппоненты доктор философских наук, профессор кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Института социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (УдГУ)
Латыпов Ильдар Абдулхаевич

кандидат политических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики факультета управления и политики Одинцовского филиала ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО)
Линде Андрей Николаевич

Ведущая организация **ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»**

Защита состоится «13» марта 2019 года в «14:00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.02 при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов»: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре РУДН (УНИБЦ РУДН) и на сайте РУДН <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.203.02

О.Ю. Бондарь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность проблемы исследования. За последние пять – десять лет с развитием коммуникационных технологий произошли крупные перемены в способах потребления и передачи информации, что привело к определенным сдвигам в социальной сфере, особенно в области экономического обмена и власти. В частности, возникли такие глобальные явления, как виртуальные социальные сети, сформировавшие новые способы коммуникации, а затем и трансформировавшиеся в социальные медиа, которые, в свою очередь, являются одной из новых форм СМИ. Социальные сети не просто уводят взаимодействие в виртуальный мир, но и содействуют интеграции этого виртуального мира в реальный, способствуя изменениям не только способов коммуникаций, но и бизнеса, экономики и властных отношений.

С растущим количеством горизонтальных связей в современном обществе на фоне расширения возможностей прямой коммуникации между акторами внутри сети, наблюдается тенденция постепенного расплывания вертикальных структур власти. Ключевую роль в этом процессе играют так называемые медиаторы, под которыми мы понимаем элемент коммуникации и носитель символических образов, выполняющий роль посредника между коммуницирующими. Медиатором коммуникации, по сути, может быть любой носитель информации, если эту информацию считывает наблюдатель, однако лишь некоторые из них своим возникновением и распространением кардинально изменили социальные процессы и повлияли на смещение баланса власти в обществе. И в современном мире, насыщенном различного рода медиаторами коммуникации, данный вопрос особенно актуален.

Современные медиаторы коммуникации способны предоставлять прямую связь акторам, находящимся даже в разных полушариях Земли. Социальные сети, например, Facebook или Vkontakte, пользовавшиеся огромной популярностью десять лет назад и представляющие собой единую

платформу, на которую приходят пользователи для коммуникации, сегодня начинают в этом отношении уступать место программам-чатам типа WhatsApp или Telegram, предложившие услугу – моментальный групповой или интерперсональный обмен данными, минуя все площадки и используя только телефон. Такая виртуальная сетевая модель, в свою очередь, трансформировала сферу бизнеса, отдельные ветви которого сегодня могут развиваться полуавтоматизированно и виртуально.

Обширные возможности сетевой коммуникации, которая осуществляется напрямую, то есть, минуя вертикальные властные структуры, способствовали развитию и широкому распространению цифровой экономики как новой формы экономического взаимодействия, а власть, как в государственных, так и коммерческих структурах, с разной скоростью, но все более отходит от строгой вертикальной иерархической модели, ослабляя вертикальные связи в пользу увеличения количества горизонтальных. Свидетельством того может служить широкое распространение как в бизнесе, так и в государственных структурах систем проектного управления, которые вытесняют предыдущий стиль управления – жесткие вертикальные системы с четкой и негибкой иерархией. Вместе с тем за счет роста коммуникативных активностей финансовая сфера как никогда ранее в истории начинает превалировать над экономической, если считать экономическую сферу областью обмена и производства благ, а финансовую систему системой, построенной исключительно на обмене символическими формами.

При этом можно наблюдать, как за последние годы выросла власть компаний, владеющих различного рода медиаторами, в особенности, цифровыми социальными сетями и поисковыми системами как, например, Google, Facebook или Yandex, поскольку виртуализация, ключевую роль в которой играют современные медиаторы, стала массовым трендом. По данным Евростат, в 2008 г. 43% европейских граждан посещали интернет каждый день. В 2017 г. данный показатель вырос до 72%. В 2008 г. 24%

жителей Евросоюза приобретали товары через интернет, в 2017 г. этот показатель увеличился вдвое – 48%. По данным совместного исследования АКАР и IAB Russia, объем рекламного рынка России в 2008 г. в чистых цифрах составил 257,2 млрд руб., а в 2017 г. – 417 млрд руб., а сама реклама за последние годы в значительной степени перешла в онлайн пространство – в 2008 г. доля рынка интернет-рекламы составляла 6%, а в 2017 – 40%, при том, что доля рынка рекламы в «реальности» (наружная реклама) сократилась с 19% до 9%, а доля рекламы в печатных газетах снизилась с 25% в 2008 г. до 5% в 2017 году.

Следует отметить также, что в отличие от развития первых свитков, книг и телеграфа, современные коммуникативные технологии в значительно меньшей степени, нежели ранее, нуждаются в наличии некоего актора, выполняющего функцию декодировщика при медиаторе, также функцию фильтра. Под декодировщиком в данном случае понимается носитель дополнительной функции, добавляемой к медиатору, которая помогает эффективно его использовать, способствуя переводу передаваемого сообщения в наиболее понятный для реципиента формат. Современные технологии коммуникации все чаще интегрируют данную функцию в самих себя, не позволяя какому-либо субъекту, претендующему на роль внешнего декодировщика разделить с медиатором его влияние на потребителя.

С другой стороны, очевидно, что данные процессы рассеивания вертикальных властных структур в угоду горизонтальных, встречают сопротивление, в первую очередь, со стороны существующих политических институтов и иных представителей вертикали власти. Однако на политической арене также произошли заметные изменения, одно из которых – интенсивное развитие демократизации общества. По данным базы Polity IV, количество демократических режимов разной градации увеличилось с 13 в 1914 г. до 65 в 2013 г., а новые ассоциации и движения, выступающие за права различных социальных групп или за какую-либо идею, появляются в ускоряющемся темпе. В контексте недавних политических событий отметим,

что многие исследователи, изучающие причины волнового эффекта «Арабской весны» – цветных революций, произошедших в арабских странах в 2011 г., обращают внимание на их связь с массовой мобилизацией протестующих через современные социальные сети, преимущественно Twitter. В то время как одни наблюдатели утверждают, что коммуникация протестующих через Twitter являлась ключевым фактором мобилизации населения, другие указывают на ограниченный эффект оной. Однозначно утверждать, насколько значимо влияние изменений в коммуникациях на демократизацию политических режимов, нельзя, необходимо учитывать еще целый ряд политических и экономических факторов, например, две мировые войны и экономические кризисы, однако рост демократизации стран все же совпал с пиком развития различных средств передачи информации, что является одной из наиболее актуальных тем сегодня.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о власти как возможности осуществлять влияние на сознание людей через коммуникацию посредством различного рода технических устройств активно изучался с начала XX века. Однако проблема власти медиа оставалась преимущественно в границах обсуждения того, как сообщения, исходящие от средств массовой информации, способны менять эмоциональные состояния, установки, ценности, взгляды и поведение индивидов. Вопрос же о роли медиа по отношению к другим акторам в общей системе коммуникации ставился реже и часто ограничивался темой роли и задач журналиста и этики журналистики. Также относительно редко (причем преимущественно в современной западной научной литературе) обращались к анализу того, каким образом развиваются и конкурируют между собой различного рода медиа и как они способны изменить баланс власти в коммуникации. В целом, исследования проблемы власти и коммуникации можно разбить на несколько тематических групп.

К первой группе относятся теории, изучающие власть в коммуникации через призму вопросов о степени влияния сообщений на эмоции, установки, ценности, картину мира и поведение индивидов. Первоначально они, как правило, фокусировались на краткосрочном влиянии (влиянии здесь и сейчас) средств массовой информации на человека и в меньшей степени на долгосрочных эффектах, например, обучении через СМИ. Здесь следует отметить прежде всего таких теоретиков, как отец кибернетики Н. Винер, исследователи эффектов влияния СМИ на электоральное поведение человека Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, автор первых работ по эффекту обучения при потреблении СМИ Ж. Клаппер, К. Ховланд, М. Липман, Дж. Келли, автор теории спирали молчания Э. Ноэль-Нойман, пионеры теории повестки дня (agenda-setting) М. Маккомбс и Д. Шоу, а также исследователи А. Моль, Х. Ортега-и-Гассет¹.

Ко второй группе исследований можно отнести труды отечественных авторов по теории манипуляций общественным мнением, таких как Г. Почепцов, С. Кара-Мурза, Г.В. Грачев, И.К. Мельник, Е.Л. Доценко, А.Л. Зверев, А.И. Черных².

К третьей группе относятся работы авторов критических теорий воздействия СМИ на человека, которые подчеркивали более долгосрочные

¹Виннер Н. Кибернетика и общество. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958; Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / сокращенный перевод с англ. в обработке Потапова Н.М. с предисловием М. Гуса. – Москва, Ленинград: Государственное издательство отдела военной литературы, 1929; Lazarsfeld P. The People's Choice: How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. – Columbia University Press, 1968; Klapper J. The Effects of Mass Communication. – Free Press, 1960; Hovland C., Lumsdaine A., Sheffield F. Experiments on Mass Communication. – Princeton: Princeton University Press, 1949; Lippmann W. Public opinion. – New York, 1997; Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс, Весь Мир, 1996; McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36. – No. 2. – P.176–187; Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2016.

²Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2001; Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – М.: Академический проект, 2007; Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Изд. 2-е, испр. и доп. – Волгоград, 2004; Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо: Юрайт, 2000; Зверев А.Л. Манипуляционное управление СМИ политическим массовым сознанием в современной России // Актуальные проблемы современной политической психологии. – М.: РИОР, 2010. – С.77 – 88; Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. Изд.2., испр. и доп. – М.: Алгоритм, 2002; Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. Учебное пособие. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

эффекты влияния СМИ на то, как человек воспринимает мир. Среди них были Ч. Миллс, Т. Адорно и М. Хоркхаймер, М. Фуко, Ж. Бодрийяр³.

В четвертую группу входят исследования, посвященные составляющим частям сообщения. Среди западных ученых тут можно отметить Ф. де Соссюра, Ч. Пирса, В. Малиновского, Р. Барта и У. Эко, Р. Блакара и даже в какой-то степени К. Юнга⁴. Среди отечественных авторов следует назвать А.А. Левченко, А.А. Романова, О.К. Ирисханову⁵. Они не уделяли большого внимания ни эффектам коммуникации, ни ее результатам, но разбирали на составные части путем лингвистического анализа само сообщение, которое может транслироваться через СМИ. Однако эти исследователи отмечали, что сама суть убеждения лежит не столько в носителе информации, сколько в самом сообщении, а это, в свою очередь, зависит от того, как оно сконструировано.

К пятой группе относится школа, осуществившая поворот к проблеме медиа как технологии – Торонтская школа, в которую входили, в частности Г. Иннис, М. Маклюэн, Э. Хэвлок⁶. Все артефакты культуры в их интерпретации становились потенциальными носителями текста, а значит, могли менять социум. Однако среди них, пожалуй, лишь Г. Иннис уделил существенное внимание тому, как эти средства коммуникации влияли на властные отношения, в то время как основная часть исследований была

³Mills C. *White Collar: The American Middle Classes*. – Oxford University Press, 1951; Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. – М.: Серебряные нити, 2001; Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика просвещения. Философские фрагменты*. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997; Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. – М.: Прогресс, 1977; Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. – М.: Добросвет, 2000.

⁴Соссюр Ф. *Труды по языкознанию* / Пер. с франц. Под ред. А.А. Холодовича; ред. М.А. Оборина; предисл. проф. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1977; Пирс Ч. *Начала прагматизма*. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, Алетейя, 2000; Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. – М.: Рефл-бук, 1998; Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989; Эко У. *Отсутствующая структура*. – СПб.: Петрополис, 2006; Блакар Р. *Язык как инструмент социальной власти*. Пер. с нем. Казакевич Е.Г. // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Сб. ст. – М.: Прогресс, 1987. С. 131–169; Юнг К.Г. *Символы трансформации*. Пер. с англ. В. Зелинского. – М.: Академический проект, 2017.

⁵Левченко А.А. *Взаимодействие государства и политических партий в официальном дискурсе власти (на материалах президентских посланий 1994–2012 гг.)* // *Вестник ПАГС*, 2013. С.117 – 125; Ирисханова О.К. *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*. – М.: Языки славянской культуры, 2014; Романов А.А. *Политическая лингвистика: Функциональный подход*. – М.-Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002.

⁶Innis H. *Changing Concepts of Time*. – Toronto: University of Toronto Press, 1952; Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2003; Havelock E. *The Muse Learns to Write: Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present*. – Yale University Press, 1986.

сконцентрирована на эффектах, изменивших социальную среду. Другие ученые занимались смежными исследованиями – исследованиями влияния информатизации общества – это Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Гуди, Дж. Рифкин и пр.⁷

К шестой группе относятся приверженцы сетевой теории коммуникации, которые рассматривают динамику влияния акторов друг на друга внутри сети и являются логическими продолжателями подхода Торонтской школы, расширяя его и вписывая в более широкую картину – картину сетевой модели. Данная теория – одна из передовых на сегодняшний день и представлена преимущественно западными исследователями, такими как Дж. Барнс, М. Грановеттер, Р. Берт, Л. Фриман, Н. Биггс, Э. Ллойд, Р. Вилсон, Ф. Каринфи, Г. Хэйнemann, Г. Поллис, С. Селкоу, Б. Веллман⁸. Основные отечественные авторы, работающие в этом направлении – Д. Губанов, Д. Новиков, А. Чхартишвили, С.В. Бондаренко⁹. Властный аспект коммуникации не только внутри сети, но и самой сети, а также акторов, стоящих над сетью, в значительной степени представлен работами М. Кастельса, С. Кук и М. Эмерсона¹⁰.

Значительная часть вопросов коммуникации и власти сводилась к проблеме способности одних акторов манипулировать другими акторами, осуществляя передачу информации через различные рода каналы коммуникации. То есть особое внимание в этой области было уделено

⁷Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – Москва: Academia, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: АСТ, 2004; Goody J. The Power of the Written Tradition. – Washington: Smithsonian Institution Press, 2000; Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. – London, 2011.

⁸Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. // Human Relations, 1954. P. 39 – 58; Granovetter M. Threshold Models of Collective Behavior // American Journal of Sociology. – 1978. – № 83. – P.1420 – 1443; Burt R. Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception, and Action. – Academic Press, 1982; Freeman L. Centrality in Social Networks: II Experimental results // Social Networks. – 1979. – Vol. 2. – № 2. – P. 119 – 141; Biggs N., Lloyd E., Wilson R. Graph Theory 1736–1936. – Oxford University Press, 1986; Karinthy F. Chain-links. – Budapest, 1929. P. 1– 4; Heineman G., Pollice G., Selkow S. Algorithms in a Nutshell. – O’Reilly Media, Inc. Sebastopol, CA, 2015.

⁹Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: Модели управления и противоборства. – Москва: Физматлит, 2010; С.В. Бондаренко. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 2004.

¹⁰Castells M.A. Network Theory of Power. – University of Southern California. International Journal of Communication. 2011. – P.773–787; Cook K., Emerson R. Power, Equity and Commitment in Exchange Networks // American Sociological Review. – 1978. – Vol. 43. – No. 5. – P.721–739.

возможности конкретных сообщений, самой информации и способов ее подачи влиять на конкретные группы людей.

Теории, представлявшие коммуникативный процесс как однонаправленную коммуникативную ситуацию, были проработаны достаточно хорошо, однако распределение власти по различным элементам в коммуникации было изучено гораздо меньше. В рамках популярных теорий либо по умолчанию предполагалось, что один актер доминирует над другим и полностью контролирует канал коммуникации, а второй актер пассивен даже в восприятии информации, либо коммуникация выстраивалась по двусторонней модели, где оба актора были равноправны. При этом вопрос о том, что у разных акторов может быть неравный доступ к различным каналам коммуникации или, что одним актерам может быть доступен канал, который был недоступен другим, рассматривался в гораздо меньшей степени, как и вопрос о том, что разные акторы в разных ситуациях будут выбирать различные из доступных им каналов коммуникации, исходя из своих целей и задач.

Объектом исследования выступает распределение власти и влияния в коммуникации.

Предметом исследования выступает влияние развития и распространения средств коммуникации на социальные процессы и на распределение власти между ключевыми элементами коммуникации

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и анализе динамики и закономерностей распределения власти среди ключевых составных элементов коммуникации, а именно между актором, фильтром, медиатором и кодировщиком/декодировщиком.

Задачи исследования:

1. кратко рассмотреть основные интерпретации коммуникации и проанализировать универсальные коммуникативные модели. На основе анализа существующих моделей предложить собственную авторскую

схему взаимодействия составных элементов в коммуникативном процессе и уточнить определение концепции медиатора;

2. рассмотреть основные подходы к интерпретации власти. В соответствии с предложенной авторской матрицей коммуникации проанализировать характер власти, присущий каждому из элементов данного процесса, выявить различия между властью актора и властью медиатора. Проанализировать теории, описывающие закономерности развития медиаторов коммуникации, теории контроля и фильтрации со стороны действующих элит, описать функции внешнего декодировщика и представить взаимосвязанную логику данных процессов в рамках единой модели;
3. проанализировать развитие основных медиаторов в истории человечества на основе выявленной модели и определить современные тенденции и эффекты от их распространения, а также предложить прогнозы их вероятного дальнейшего развития.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются теоретические методы, понятийный аппарат философских и коммуникативных теорий. Применяются такие методы, как компаративный метод и метод формализации, метод структурно-функционального анализа и герменевтический метод, метод моделирования, а также идеализации. В качестве основы анализа коммуникаций был использован линейный метод её схематизации, в частности представленный работами Г. Лассуэла, К. Шеннона, У. Уивера, Д. Берло, Ч. Осгуда, У. Шрамма, М. де Флера, Б. Вестли, М. Маклина, Д. Барнлунда, Д. Кинсаида¹¹.

¹¹Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. – N.Y.: Harper and Brothers, 1948; Shannon C., Warren W. The Mathematical Theory of Communication. – University of Illinois Press, 1963; Berlo D. The Process of Communication: an introduction to theory and practice. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960; McQuail D., Windahl S. Communication Models for the Study of Mass Communications. – New York, 1993; Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – Москва, Санкт-Петербург, Киев: Издательский дом Вильямс, 2004; Westley B., Malcolm Maclean. A Conceptual Model for Communications Research // Journalism-Quarterly. – 1957. – № 31. – P. 32 – 38; Barnlund D. A Transactional Model of Communication // Communication Theory (2nd ed.). C.D. Mortensen (Eds.). – New Brunswick, New Jersey: Transaction, 2008. P. 47 – 57; Kincaid D. The Convergence Model of Communication // Papers of the East-West Communication institute, Hawaii, 1979.

Автор также опирался на сетевой метод анализа распределения власти и динамики социальных и коммуникативных процессов, в особенности на теорию математических графов, теорию потока сети (flow network analysis), метод анализа связей (link analysis) и триад в сетевой модели, описанных в работах Н. Биггса, Н. Ллойда, Р. Вилсона, Л. Фримана, М. Грановеттера¹².

Основой интерпретации поведенческих моделей акторов выступила теория социального обмена, представленная работами Дж. Хоманса, К. Кук, Р. Эмерсона и П. Блау¹³.

В качестве основы анализа феномена власти и ее распределения, в первую очередь, были использованы работы М. Вебера, М. Фуко, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, М. Кастельса¹⁴, В. Парето, Р. Михельса, Г.К. Ашина¹⁵.

За основу анализа динамики распространения медиаторов были взяты модели теории диффузии инноваций Р. Роджерса, теории развития средств коммуникации Г. Инниса, М. Маклюэна, С. Леман-Уилзига, К. Авигдора и К. Сcolari¹⁶, анализ феномена цензуры М.В. Зеленова, Т.М. Горяевой, А.Г. Старикова, Н. Каролидес, М. Балд, Д. Соува, А.А. Евстратова¹⁷.

¹² Biggs N., Lloyd E., Wilson R. Graph Theory 1736–1936. – Oxford University Press, 1986; Freeman L. Centrality in Social Networks: II Experimental results // Social Networks. – 1979. – Vol 2. – № 2. – P. 119 – 141; Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory, 1983. P. 201–233.

¹³ Homans G. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology – 1958. – № 63 (6). – P. 597 – 606; Cook K.S., Emerson R.M., Gillmore M.R., & T. Yamagishi. The Distribution of Power in Exchange Networks: Theory and Experimental Results // American Journal of Sociology. – 1983. – № 89. – P. 275 – 305; Blau P. Exchange and Power in Social Life. – New York: Wiley, 1964.

¹⁴ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999; Castells M. A Network Theory of Power. – University of Southern California. International Journal of Communication 5 – 2011. P.773–787; Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева. – М.: Весь Мир, 2003.

¹⁵ Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. под науч. ред. М.С. Ковалевой. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. Главы из книги // Диалог. – 1990. Г.К. Ашин. Современные теории элит. Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985.

¹⁶ Rogers E. Diffusion of Innovations. 4th Edition. – Simon and Schuster, 2010; Innis H. The Bias of Communication. 2nd edition. – University of Toronto Press, 2008; Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – Москва: Канон-пресс-Ц, 2003; Havelock E. The Muse Learns to Write: Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present. – Yale University Press, 1986; Lehman-Wilzig S., Cohen-Avigdor N. The Natural Life Cycle of New Media Evolution: Intermedia Struggle for Survival in the Internet Age // New Media & Society. – 2004. – № 6. – P. 707–730; Scolari C. Media Evolution: Emergence, Dominance, Survival, and Extinction in the Media Ecology // International Journal of Communication. – 2013. – № 7. – P. 1418 – 1441.

¹⁷ Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 94–97; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002; Горяева Т.М. Анатомия цензуры // Новые вехи. – 1998. – № 2. – С. 89–107; Балд М., Евстратов А., Каролидес Н.,

В качестве эмпирической базы исследования был привлечен целый ряд исторических источников, иллюстрирующих развитие способов и носителей коммуникации, а именно, работы И. Фридриха по истории наскальной живописи, становлению первых форм фиксации и передачи сообщений; работы Роберта Дарнтона и Р. Шартье по эволюции бумажного промысла и хранению носителей; публикации Симон Фари о развитии телеграфа; исследования Клода Фишера Дж. Штейна по распространению телефонной связи; очерки К.В. Чибисова о фотографии; трехтомник по истории кино С. Комарова, И. Трутко, В. Колодяжной, работа по истории развития медиа таких авторов как Кирия И.В. и Новикова А.А., и др.¹⁸). Автором также были использованы личные профессиональные наблюдения, связанные с многолетним опытом работы в сфере коммуникаций и воздействий на информационное поле, современных сетевых цифровых коммуникаций и взаимодействия с институтами средств массовой информации, а также в области предотвращения или нивелирования кризисных ситуаций коммуникативными средствами.

Научная новизна:

1. Внесены уточнения в рабочее определение коммуникации, под которым понимается вид социальной активности, реализуемый посредством оперирования, производства, трансляции, восприятия и интерпретации символических форм любым актором или псевдо-актором, способным самостоятельно осуществлять вышеперечисленные действия, и посредством дополнительного элемента – понимания, свойственного только человеку, кроме того, подразумевающий как наличие агента или устройств,

Соува Д. 100 запрещенных книг. Цензурная история мировой литературы / Пер. Богданова Э. – Екатеринбург, 2008.

¹⁸Фридрих, И. История письма. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979; Darnton R. The Case for Books: Past, Present, and Future – New York: PublicAffairs, 2009; Шартье, Р. Письменная культура и общество / Роже Шартье; [пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф]. – Москва: Новое изд-во, 2006; Fari. S. The Formative Years of the Telegraph Union. – Cambridge Scholars Publishing, 2015; Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. Изд. дом Высшей школы экономики, 2017; Fisher C. America Calling: A Social History of the Telephone to 1940; Stein J. Ideology and the telephone: the social reception of a technology, London 1876-1920, 1996; Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. — М.: Искусство, 1987; Комаров С., Трутко И., Колодяжная В. История зарубежного кино в 3 томах. – М.: Искусство, 1965 – 1981.

производящих и/или ретранслирующих символические формы, так и наличие реципиента;

2. Выявлен эвристический потенциал синтеза классических линейных моделей коммуникации и современных сетевых, в частности, в контексте анализа связей между элементами коммуникации и в рамках анализа диад в качестве скрытых триад с учетом канала коммуникации, что способствует лучшему пониманию функций каналов коммуникации. Соответственно обозначены две интерпретации канала коммуникации в сетевой модели: с одной стороны, он рассматривается в качестве элемента, связующего акторов, с другой – в качестве самостоятельной точки, которой является коммуникатор или псевдо-коммуникатор.

3. Сформулировано авторское определение медиатора и кодировщика/декодировщика в коммуникации на двух уровнях их функционирования: первичном и производном. Первичные медиаторы и кодер/декодер обеспечивают возможность базовой коммуникации, а производные существенно расширяют возможности первичных.

4. Предложена авторская схема коммуникации, объединяющая сильные стороны как линейных, так и сетевых моделей, в которой прописываются не один (как в ряде линейных), а сразу множество потенциально доступных актору медиаторов или каналов коммуникации;

5. Разработана модель, в которой объединены такие аспекты развития медиаторов коммуникации как динамика распространения, позиции и функции декодировщиков и элементов фильтрации при них, а также политика элит;

6. Предложена авторская периодизация развития медиаторов, а также осуществлен вероятный прогноз их дальнейшего развития и влияния на социальные процессы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложенная авторская матрица коммуникации позволяет рассматривать данный процесс на различных уровнях, причем

применительно как к линейным, так и сетевым коммуникациям. Матрица состоит из двух акторов, каждый из которых обладает доступом к кодеру и декодеру сообщений, где сообщения обязательно проходят стадию кодировки/шифрования и декодировки/дешифрования. Сообщения далее, прежде чем попасть в медиатор коммуникации, проходят через фильтр. Части коммуникативного процесса, представленные в схеме, варьируются в зависимости от уровня рассмотрения коммуникации. Они максимально интегрированы в самих акторов при межличностной коммуникации – актор сам и кодирует, и фильтрует информацию и сам же ее передает посредством звуковых волн или визуальными способами. Чем более массовой становится коммуникация, тем более удаленными от акторов оказываются эти элементы коммуникации, постепенно превращаясь в самостоятельные функциональные единицы, или институты. Чем больше участников коммуникации, тем скорее роли фильтров или декодирующих могут брать на себя иные люди, институции, государство или технические устройства;

2. Власть в коммуникации может быть проинтерпретирована двояким образом. С одной стороны, власть может определяться как способность актора осознанно навязывать свою волю, с другой – как зависимость акторов от функциональных единиц или точек концентрации власти. Власть таких точек базируется на том, что они выполняют определенную функцию, выстраивают вокруг себя динамику и принципы взаимодействия акторов, а акторы их используют, поддерживая тем самым власть медиаторов. Медиаторы коммуникации, с одной стороны, цементируют социальную реальность, опутывая собой все процессы, они же выстраиваются в сеть и тем самым обязывают пользоваться ими; а с другой стороны, они выступают условием власти актора. Поскольку каждая единица сети есть некая функция внутри системы, количество власти актора внутри сети на самом деле напрямую зависит от того, насколько у него много в подчинении точек концентрации власти, т.е. его власть опирается на

неинтенциональные единицы концентрации власти и зависит от способности этих единиц влиять на других акторов. Таким образом, власть медиатора осуществляется через охват большого количества акторов и навязывание своих правил коммуникаций, поскольку это является навязыванием связанных с ним дополнительных функций;

3. Власть действующих в обществе политических и экономических элит сначала использует новый медиатор как способ усиления собственной власти, однако после того, как развитие медиатора набирает критическую массу и становится достаточно массовым продуктом, он изменяет социальную реальность и уже начинает выступать инструментом увеличения власти масс, а поскольку по массам власть расплывается широко и не концентрированно, конечный эффект от этого – определенное распыление вертикали власти действующих элит. Но степень этого рассеивания вертикали власти определяется характером самого медиатора. Она бывает, как значительной, как в случае с интернетом, так и достаточно умеренной, как в случае с телевизором, где государство имеет существенно больший контроль. При этом попытки контроля и сдерживания медиаторов со стороны действующих элит могут быть довольно активными, в особенности после того, как медиатор набрал критическую массу в своем развитии. В первую очередь данный контроль будет реализован через фильтр коммуникации. Декодировщики коммуникации при расширении количества ее участников также выделяются в отдельную функцию, которая создается при медиаторе и обслуживает его. Декодировщик, как правило, формируется вследствие первичной сложности использования медиатора без специальных познаний или дополнительных устройств, или и того, и другого. И для того, чтобы медиатор было возможно реально использовать в качестве такового, формируется функция декодировщика. Например, дешифраторы играли значимую роль при телеграфе. Священнослужитель может выступать разъясняющим и интерпретатором священного текста. Как правило, роль декодировщика велика на начальном этапе развития медиатора, но затем, при

его переходе в массы, декодировщик интегрируется либо внутрь самих акторов (в процессе обучения), либо внутрь самих медиаторов (например, со временем расшифровка телеграмм была автоматизирована и интегрирована в сам телеграф).

Практическая и теоретическая значимость результатов исследования. Результаты исследования могут служить базой для дальнейшего, более углубленного анализа влияния медиатехнологий на распределение власти среди различных акторов, а также могут быть использованы преподавателями, аспирантами и студентами высших учебных заведений в образовательном процессе.

Кроме того материалы исследования могут быть полезны для специалистов-практиков в области взаимодействия со средствами массовой информации, работы с социальными сетями, в маркетинге и рекламе, в сфере коммуникаций с клиентами, правительственными структурами и населением.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения работы обсуждены на четырех заседаниях кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов. Положения диссертации нашли свое отражение в шести научных публикациях, четыре статьи из этих работ опубликованы в научных изданиях перечня ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, одна из которых – в международном издании на английском языке, индексируемом реферативной базой Web of Science.

Кроме того, главные положения исследования изложены в выступлениях на научно-практических конференциях: «VII Всероссийская научно-практическая конференция: Управление социальными инновациями: опыт, проблемы и перспективы; День Науки; Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная международному дню философии. Мировоззренческие и методологические проблемы науки и техники: инновационный аспект; XIII Фестиваль науки в Москве; Конференция

«Актуальные вопросы социологической науки: Теория, Методология, Практика – 2017»; Всероссийская научная конференция с международным участием «Человек и общество в контексте современности» (Философские чтения памяти проф. П.К. Гречко); Межвузовская научная конференция «Восток и Запад: приоритеты эпох», 19 мая 2017; Межвузовская конференция с международным участием «Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия».

Структура работы определяется логикой, целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы (216 наименований). Общий объем диссертации составляет 230 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определены цели и задачи диссертационного исследования, его методологические принципы, степень разработанности темы, актуальность и научная новизна исследования, а также положения, выносимые на защиту

В первой главе **«Основные подходы к интерпретации коммуникации и ключевые коммуникативные модели»** автором были проанализированы ключевые подходы к интерпретации понятия коммуникации и коммуникативные модели – от первых линейных моделей до современных сетевых. Первый параграф главы **«Понятие коммуникации и основные теории коммуникации»** посвящен анализу проблемных пластов коммуникации и подходов к определению самого понятия коммуникации. Автор разделяет два основных подхода к определению данного понятия. Первый – функционально-прагматическое определение – коммуникация определяется через выполнение какой-либо функции, в подобных определениях обычно выступает одной из разновидностей действия, редко

является самоцелью, но, скорее, средством реализации иных целей и задач коммуникаторов. Второй – определение в качестве самоценного социального феномена, когда коммуникация определяется как языковое или культурное явление, которое стоит в одном ряду с другими явлениями социальной динамики и является процессом, ценным уже сам по себе и существующим не для реализации других действий и целей, но для самого себя. Первый подход позволяет определить коммуникацию в более широком ключе, в то время как второй позволяет больше внимания уделить сенсуальным, духовным, метафизическим аспектам коммуникации и находится ближе к понятию «общение», нежели «коммуникация». Проблема второго подхода заключается в том, что большинство актов коммуникации, которые могут показаться самоценными, могут небезосновательно также быть проинтерпретированы с их функциональной стороны. Проанализировав интерпретацию коммуникации в так называемых теориях коммуникативного реализма, критических теориях массовой коммуникации, структурно-лингвистических теориях, теории понимания, сетевой теории и теории символического интеракционизма, автор приходит к общему рабочему определению коммуникации, на которое опирается при дальнейшем анализе.

Второй параграф главы **«Основные линейные модели коммуникации»** посвящен анализу ключевых моделей коммуникативного процесса. Были выявлены особенности модели Г. Лассуэлла, шумовой модели К. Шеннона – У. Уивера, модели Д. Берло, циркулярной модели Ч. Осгуда – У. Шрамма, модели М. де Флера, концепции привратника и модели Б. Вестли – М. Маклина, модели Д. Барнлунда, принципы которой во многом транслировались в сетевые модели, а также конвергентной модели Д. Кинсаида¹⁹. Анализ позволил продемонстрировать разность подходов к интерпретации ключевых участников и составных элементов коммуникации.

¹⁹Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне / сокращенный перевод с англ. в обработке Потапова Н.М. с предисловием М. Гуса. – Москва, Ленинград: Государственное издательство отдела военной литературы, 1929; Shannon C., Warren W. The Mathematical Theory of Communication. – University of Illinois Press, 1963; Berlo D. The process of Communication; An Introduction to Theory and Practice. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960; McQuail D., Windahl S. Communication Models for the Study of Mass

Третий параграф «Сетевое моделирование коммуникаций»

посвящен анализу современных сетевых концепций коммуникации, а также поиску возможных способов дополнения отдельных аспектов сетевой модели достижениями линейных моделей. Исследование принципов сетевой модели предваряет анализ ее важной предтечи – мозаичной модели С. Бекера²⁰. Далее осуществляется обзор теории математических графов; модели малых миров; концепции потока сети; концепции сильных, слабых и несуществующих связей; осуществляется интерпретация диады в сети в качестве скрытой триады, третьим элементом которой незримо может являться канал коммуникации. Сам канал коммуникации в сетевой модели получает две интерпретации. С одной стороны, каналом коммуникации в сетевой модели может являться ребро между двумя вершинами, то есть некий вербальный или визуальный канал, который возникает в момент контакта между акторами. Тогда сам момент связи между акторами автоматически подразумевает наличие канала, по которому они передают сообщения друг другу. С другой стороны, в рамках модели сетевой коммуникации можно осуществить и альтернативную интерпретацию понятия канала коммуникации, сближающую её с теориями линейных коммуникаций, а именно как медиатор коммуникации, будь то актер, или же определенный технический носитель и ретранслятор символических форм, используемый акторами, который расширяет их возможности коммуникации до той степени, что медиатор в каком-то смысле занимает место актора (во всяком случае, в глазах реципиента), превращаясь в псевдо-актера. На математическом графе такой тип каналов коммуникации уже будет представлен точкой, подсоединенной ребрами к большому количеству

Communications. – New York, 1993; Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – Москва, Санкт-Петербург, Киев: Издательский дом Вильямс, 2004; Westley B., Malcolm Maclean. A Conceptual Model for Communications Research // Journalism-Quarterly. – 1957. – № 31. – P.32 – 38; Barnlund D. A Transactional Model of Communication // Communication theory – New Brunswick, New Jersey: Transaction, 2008. P. 47 – 57; Kincaid D. The Convergence Model of Communication // Papers of the East-West Communication institute, Hawaii, 1979.

²⁰Bitzer L., Black E. The Prospect of Rhetoric. – New Jersey: Prentice-Hall Inc. Englewood Cliffs, 1968.

других точек, то есть, по сути, будет являться узлом (или хабом) сети, таким образом, на графе он окажется неотличим от актора.

В четвертом параграфе **«Обобщающая авторская матрица коммуникаций. Медиатор, кодер/декодер, фильтр – первичные и производные»** сформирована авторская матрица коммуникаций, состоящая из двух Акторов «К», каждый из которых обладает способностью кодировать и декодировать сообщения или доступом к внешнему кодеру и декодеру сообщений «С/D». Сообщения проходят стадию кодировки/шифрования и декодировки/дешифрования. Далее они пропускаются через фильтр «F», прежде чем попасть в медиатор коммуникации «М». Сообщение направляется в один из доступных конкретному актору медиаторов коммуникации, который он заранее выбрал в целях донесения своего сообщения (осознанно или неосознанно). Количество медиаторов «М» потенциально не ограничено, данную функцию может выполнять значительное количество вещей или людей, однако для отдельных акторов ограничен доступ «А» к использованию и контролю в отношении некоторых из них. Возможность осуществления обратной связи и степень равенства возможностей коммуникаторов определяется уровнем доступа акторов к медиатору. Чем к большему количеству медиаторов у актора есть доступ и чем больше глубина этого доступа, тем большим контролем над самим процессом коммуникации он обладает. Чем больше разрыв между акторами в уровне доступа к медиаторам, тем более неравной, именно с точки зрения власти, можно считать коммуникацию. Медиаторы обладают способностью расширять коммуникативные возможности человека и позволяют коммуникативному акту быстро преодолевать расстояния «S», а также способны удерживать информацию в течение заданного характером медиатора количества времени «Т». При этом медиатор и кодер/декодер находятся в довольно тесном взаимодействии, поскольку без должного кодера/декодера невозможно считывание информации с медиатора и невозможно ее кодирование на медиатор. Акты коммуникации повышают

общий уровень информационного шума «N», а шум, в свою очередь, воздействует негативным образом на коммуникативные процессы, в частности может приводить либо к искажению транслируемых сообщений, либо к рассеянному вниманию актора.

Части процесса, представленные в авторской коммуникативной матрице, варьируются в зависимости от уровня рассмотрения коммуникации. При межличностной коммуникации они максимально интегрированы в самих акторов – актер сам и декодирует, и фильтрует информацию и сам же ее передает посредством звуковых волн или визуальными способами. Чем более массовой становится коммуникация, тем более удаленными от акторов оказываются эти элементы коммуникации, постепенно превращаясь в самостоятельные функциональные единицы. Поэтому автор разделяет первичные и производные медиаторы и кодировщики/декодировщики и фильтры по принципу меньшей или большей отделимости от акторов. Первичные элементы максимально сложно отделить от коммуникатора, от сообщения и от самого медиатора. Производные же элементы довольно автономны и стремятся превратиться в самостоятельных акторов коммуникации, что им порой удается.

Далее автор анализирует понятие и роль медиатора, кодера/декодера (или кодировщика/декодировщика) и фильтра коммуникации, разделяя каждый из них на первичные и производные. Медиатор в понимании автора – это элемент коммуникации, носитель символических образов, выполняющий роль посредника между коммуницирующими. Медиатором коммуникации, по сути, может быть любой носитель информации, если эту информацию считывает наблюдатель. В момент такого считывания между автором этих символических образов и реципиентом возникает коммуникация. Чем шире параметры медиатора в его способности преодолеть время или пространство, тем более могут быть удалены акторы друг от друга во времени и пространстве. И, соответственно, тем больше можно говорить не о коммуникации акторов между собой, но коммуникации реципиента с самим

медиатором, поскольку автор сводится в таком случае к медиатору. В качестве первичных медиаторов автор диссертации выделяет звуковые волны и свет, без которых невозможна ни вербальная, ни визуальная коммуникация. К производным (или вторичным) медиаторам были отнесены те инструменты коммуникации, которые являются расширениями первичных медиаторов и органов чувств человека.

Кодировщики сообщений и их декодеры также разделены на первичные и вторичные. Кодировщик и декодер – это разные вещи по функционалу, но одинаковые по устройству. Сообщения есть смыслы, закодированные в языке, текущем дискурсе, общей культуре и пр. Кодировщик оборачивает смыслы в некие воспринимаемые человеком единицы. Первичный кодер/декодер – это то, на чем кодируется и декодируется сообщение в межличностной коммуникации – культура, язык, все, что стоит над коммуникацией, что задает основу сообщения. Производный же кодер/декодер – это функция по переводу сообщений из одних символических форм или сигналов в другие, которую выполняет, как правило, какой-то человек, устройство или программное обеспечение. Производный декодер возникает как некая дополнительная функция, добавляемая к медиатору, она помогает эффективно его использовать.

И, наконец, фильтр коммуникации выполняет функцию модератора. Первичным фильтром можно назвать собственные когнитивные элементы человека. Мозг автоматически фильтрует поступающую информацию. Принципы этой фильтрации относятся к сфере психологии. Производным фильтром способны выступать человек, устройство или программное обеспечение. При этом фильтр информации является той точкой давления на медиатор, через которую сторонние акторы, реализуя свою власть, оказываются в состоянии влиять на чужую коммуникацию. Некоторые коммуникативные акты могут не проходить фильтрацию. В зависимости от уровня коммуникации в качестве фильтра выступает некий свод правил, этики, конвенции о том, что принято или не принято говорить. Фильтром

может выступать какой-либо актор, человек, указывающий всем, о чем стоит говорить, о чем – нет. Фильтром способна служить целая институция или даже какие-то механизмы и программные обеспечения. Нередко функции фильтра включает в себя декодировщик сообщений, который интерпретирует какую-либо информацию и в процессе интерпретации может осознанно или неосознанно фильтровать информацию.

Вторая глава **«Распространение медиаторов и перераспределение власти»** посвящена анализу характера власти, присущей составным элементам коммуникативного процесса – актору, медиатору, кодеру/декодеру, фильтру. В первом параграфе **«Власть акторов и власть вещей»** автор осуществляет сравнительный анализ классического и неклассического подходов к пониманию власти в целях дальнейшей интерпретации различия между властью акторов и властью медиаторов, кодера/декодера, фильтра. Речь идет о проблеме интенционального и неинтенционального характера власти. И для выявления того типа власти, который присущ в первую очередь медиаторам, автор фокусирует свое внимание на неклассических теориях власти XX–XXI веков. Осуществляется обзор подходов Т. Ван Дейка, который отмечал, что современное понимание власти уже не строится на прямом принуждении, но базируется на возможности предсказывать, предопределять и направлять движение общества путем фрейминга²¹; М. Фуко, который помимо прочего предложил концепцию локализации власти в конкретных точках социума²². Этими точками становятся социальные институты и учреждения – школы, сады, тюрьмы, больницы и т.д. По Фуко, само государство представляет собой некую совокупность таких точек концентрации власти. А согласно интерпретации власти в работах функционалистов, в частности Т. Парсонса, власть есть способность системы обеспечивать реализацию принятых

²¹Дейк Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. С 15–20.

²² Михель Д. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. — 2003. — Т. 1 (1). — С. 91—106.

обязательств, которые накладываются на индивида после взятия на себя определенных функций²³.

Далее автор интерпретирует современную сетевую концепцию власти, описанную в работах М. Кастельса, разделившего власть в сети на четыре интерпретативные единицы²⁴:

1. власть сетевых акторов (*networking power*)²⁵ – власть включенных в сеть над теми, кто в нее не включен.
2. власть сети (*network power*) – власть самой сети за счет навязывания правил координации ее членов внутри себя. Соответственно данные правила навязывает медиатор коммуникации. Он задает определенный формат и динамику взаимодействия акторов, выстраивает систему, в которую включены многие акторы. Акторы, в свою очередь, начинают дифференцироваться относительно своего умения использовать медиатор. Вокруг медиатора выстраивается определенная социальная динамика; таким образом, он навязывает собственную власть через создание определенных структур и правил коммуникации. Также медиатор как точка, через которую проходит коммуникация, является также и точкой концентрации власти для тех, кто стоит над этой сетью;
3. внутрисетевая власть акторов (*networked power*) – власть одних акторов над другими, реализуемая уже внутри сети. Данный тип власти возможен только между акторами, включенными в общую сеть;
4. власть формирующих сети (*network making power*) – власть, которая реализуется через программирование сетей и их перепрограммирование, и переключение. Это власть создателей сетей и тех, кто задает правила работы сети. Они способны внедрять различные обновления, менять правила пользования сетью, лишать каких-либо пользователей статусности в сети и даже исключать из нее пользователей.

²³ Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.

²⁴ Castells M. A Network Theory of Power. – University of Southern California. International Journal of Communication 5 – 2011. P.773–787.

²⁵ Здесь и далее перевод автора.

Автор отмечает созвучность понимания власти в теории социального обмена Дж. Хоманса, П. Блау, К. Кук и Р. Эмерсона с пониманием власти сети и власти формирующих сети²⁶. Данная теория рассматривает социальные процессы с точки зрения обмена между акторами, которые представляют собой рациональные единицы, преследующие собственные интересы, стремящиеся к максимизации собственных доходов при минимизации расходов, а власть акторов, стоящих над системой (это прежде всего элиты и порой анти-элиты) состоит в установлении «правил игры», или «правил обмена». Такая власть реализуется путем фрейминга системы. Власть внутри сети выражается, в первую очередь, в количестве и престижности ресурсов, к которым у актора есть доступ. Власть в данной интерпретации может реализоваться через ограничение или предоставление доступа другим акторам к тому ресурсу или сервису, которым распоряжается его владелец. И если это коммуникативный ресурс, то власть актора будет опираться на количество таких точек доступа.

Обобщая рассмотренные подходы к интерпретации власти, автор осуществляет разделение данного понятия на две ключевые интерпретации:

1) власть как способность осознанным образом навязывать свою волю. Данный тип власти присущ только актору;

2) власть функциональных единиц, или точки концентрации власти. Власть таких точек базируется на том, что они выполняют определенную функцию, а акторы желают получить к ним доступ. Функциональные единицы, с одной стороны, попадают под категорию неинтенциональной власти, поскольку они обладают способностью влиять на социальные процессы (цементировать существующие процессы или ускорять их), а с другой стороны, являются ретрансляторами интенциональной власти актора и даже ее залогом. Таким образом, автор останавливается на понятии точек концентрации власти, или точек контроля, владение которыми предоставляет

²⁶ Blau P. Exchange and Power in Social Life. – New York: Wiley, 1964; Homans G. Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology. – 1958. – № 63 (6). – P. 597 – 606; Cook K.S., Emerson R. Power, Equity and Commitment in Exchange Networks // American Sociological Review. – 1978. – № 4. – P.721 – 739.

актору возможность осуществлять определенный контроль над какими-либо социальными процессами или другими акторами.

Во втором параграфе **«Распространение медиаторов как процесс формирования поля влияния медиаторов»** автор рассматривает теории развития и распространения медиаторов коммуникации по аналогии с теориями развития и продвижения инноваций в обществе, поскольку данные теории отражают динамику эволюции новых для своей эпохи форм медиатизации информации и их соответственного выстраивания в сеть, которая в дальнейшем опутывает собой социум и, изменяя его, меняет баланс распределения власти в обществе, в частности, способствует рассеиванию вертикальных властных структур, превращая их, частично или полностью, в сетевые. Автор анализирует три поколения линейных теорий распространения инноваций, осуществляет обзор теории диффузии инноваций, описывает теорию комплексного заражения (complex contagion theory) и анализирует ранние и современные теории медиадетерминизма и медиаэкологии, выделяющие отдельные стадии конкурентной борьбы различных информационных носителей между собой в рамках процесса их развития и распространения.

Принимая во внимание факторы развития и распространения медиаторов, в третьем параграфе, **«Формы контроля, усиления и сдерживания медиатора»**, автор исследует противостоящие данному развитию процессы и анализирует формы внешнего и внутреннего контроля медиаторов после того, как они выстроили вокруг себя систему передачи информации. Опираясь на теории контроля прессы Ф. Сиберта, Т. Петерсона и У. Шрамма, Четвертакова Н.В., Д. Маккуэйла, Р. Лоунштейн и Дж. Меррилла, теории, описывающие механизмы контроля и цензурирования информации, Д. Грабер, П. Шумейкер, М.В. Зеленова, В.В. Прозорова, Т.М.

Горяевой, С. Риз и др.²⁷, автор делает вывод о том, что контроль за медиаторами может производиться тремя основными способами:

1. Прямой контроль, при которой власть над медиатором выражается через непосредственное владение им и тотальный контроль за выпуском сообщений через него;
2. Контроль за содержанием информации, осуществляемым самим исполнителем функции фильтра, т.е. модератором или привратником при медиаторе, либо осуществляемый со стороны внешних акторов с целью использования власти данного модератора путем давления на фильтр; Однако привратник также может выполнять и позитивную для медиатора функцию – быть фасилитатором доступа к нему;
3. Контроль за интерпретацией информации, контроль «понимания» – осуществляемого кодировщиком/декодировщиком (или, как еще его называет автор, дополнительным медиатором) между реципиентом и первичным медиатором. Дополнительный медиатор разделяет власть медиатора, соответственно присоединяясь к его власти и одновременно уменьшая ее количество, «перетягивая» значительную часть его власти на себя.

Автор отмечает, что власть кодера/декодера сообщений базируется на необходимости кодировать и декодировать сообщения, проходящие через медиатор, она строится на том, что он выполняет определенную функцию при медиаторе. Чем у реципиента меньше персональных возможностей декодировать сообщение – то есть первичный декодировщик реципиента недостаточен для успешного восприятия сообщения, – тем более

²⁷Сиберт Ф., Петерсон Т., Шрам У. Четыре теории прессы. – М.: 1956; Четвертаков Н.В. Социально-правовые теории прессы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3. – с. 37–45; D. McQuail. D. McQuail 's Mass Communication Theory. – Amsterdam: SAGE Publications, 2010; Зеленев М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – с. 94–97; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002; изд. 2-е, испр. и доп. М.: 2009; Горяева Т.М. Анатомия цензуры // Новые вехи. – 1998. – № 2. – с. 89–107; Балд М., Евстратов А., Каролидес Н., Соува Д. 100 запрещенных книг. Цензурная история мировой литературы / Пер. Богданова Э. – Екатеринбург, 2008; Shoemaker P., Reese S. A Media Sociology for the Networked Public Sphere: The Hierarchy of Influences Model // Mass Communication and Society. – Columbia 2016. P. 389–410.

значительную роль начинает играть внешний декодировщик. И проявляется власть декодировщика как в том, что без него медиатор может быть неполноценен, так и в возможности интерпретации и искажения сообщений, проходящих через медиатор.

В четвертом параграфе **«Объединяя подходы: ключевые этапы развития медиаторов»** автор подводит итоги главы, интегрируя различные теории развития медиаторов и теории их контроля и сдерживания в рамках единой модели развития, выделяя следующие этапы:

I. появление, в рамках которого медиатор расширяет какие-либо человеческие возможности коммуникаций и служит действующим элитам;

II. стремительное развитие, в ходе которого медиатор распространяется и захватывает до половины рынка, набрав критическую массу. Медиатор начинает преобразовывать социальные интеракции и меняет формат коммуникации, создавая сеть из пользователей. Контроль над производством от изначальных владельцев переходит в более широкое поле, где возможно участие многих акторов. Вертикаль власти существующих политических и экономических элит укрепляется за счет владения новой технологией, которая распространяется достаточно, чтобы оказывать влияние на социум, на людей, но недостаточно для того, чтобы контроль над ними перешел массовым образом в частные руки. Декодировщики как эксперты набирают большую власть;

III. доминирование – состояние статус-кво, в котором медиатор успешно выстроил сеть из пользователей и изменил формат коммуникации, социальных интеракций, экономические и властные отношения и т.д. Вертикаль власти действующих элит теперь, напротив, в определенной степени размывается из-за развития медиатора. Начинается жесткая политика постцензуры со стороны действующих политических элит, поскольку возможности предварительной цензуры либо закончились на предыдущем этапе, либо значительно уменьшились. Этот показатель сильно зависит от политического режима государства. Роль производного декодировщика

начинает постепенно ослабевать, потому что большинство акторов могут взаимодействовать с медиатором напрямую;

IV. борьба и приспособление, в рамках которых происходит активное распространение на рынке уже нового медиатора, а предыдущая инновация, при условии, что функции «новой» и «старой» инноваций совпадают, занимает уже определенную свою нишу. Система социальных акторов, выстроенная ими между собой вокруг предыдущего медиатора начинает переоцениваться. Власть лидеров, наиболее авторитетных пользователей в этой сети начинает ослабевать в силу общего ослабления всей этой сети. Политические и экономические элиты и иные заинтересованные лица примиряются с невозможностью ее полностью контролировать и адаптируются к этому.

Третья глава **«Динамика развития медиаторов в коммуникации»** посвящена анализу развития конкретных медиаторов коммуникации. В первом параграфе **«Развитие письменных носителей и книгопечатанье»** анализируется процесс и влияние развития первых переносных носителей информации, перемены, возникшие вследствие возникновения печатного слова на социальные процессы и дальнейшее появление прессы. Во втором параграфе **«Преодолевая расстояния: развитие телеграфа и телефона»** автор рассматривает процесс развития оптического телеграфа, соответствующую роль кодировщиков и декодировщиков, а также конкурентную борьбу лоббистов оптического телеграфа с новым, более совершенным видом телеграфа – электрическим. Также подчеркивается важная роль, которую сыграл телеграф в развитии влияния печатной прессы и появлении феномена межконтинентальной коммуникации. Автор также рассматривает телефон как надстройку над телеграфом, способствующую превращению данной технологии в массовую и выстраиванию сетевых форматов коммуникаций. В третьем параграфе **«Сохранение звука и изображений»** анализируется процесс развития технологий записи и воспроизведения звука, фиксации и тиражирования изображений, а также

видео. В четвертом параграфе **«Радио и телевидение»** автор осуществляет краткий обзор того, как радио и телевидение развивались и изменяли социальные процессы и привычки людей. В пятом параграфе **«Новейшие медиаторы: компьютер, микрокомпьютер и интернет»** проводится анализ формата современных форм медиаторов коммуникаций. В шестом параграфе **«Тенденции, прогнозы и ключевые этапы развития медиаторов»** выявляются самые последние современные тенденции в развитии современных форматов коммуникации, автор предлагает прогноз дальнейшего развития медиатехнологий и их возможного влияния на социум, а также предлагает собственную систематизацию революционных этапов их развития.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. Автор делает вывод о том, что линейные модели коммуникации были достаточно неоднородны между собой, и каждая из значимых моделей добавляла какой-либо аспект коммуникации, которые не учитывали другие модели. Сетевая модель, в этом смысле, не всегда удобна для анализа межличностного коммуникативного процесса, как и чрезмерно массовой коммуникации, поскольку рассматривает акторов в рамках некой системы, где нивелируется множество нюансов. Таким образом, линейные модели коммуникации могут дополнить сетевые в отдельных элементах, особенно в части анализа связей, потоков сети и коммуникации диад и триад.

В работе показано, что коммуникативный акт на различных уровнях можно представить в виде единой схемы, состоящей из двух акторов, элементов кодирования сообщений, элементов фильтрации сообщений и главное – медиатора – посредника между акторами. Актор выбирает один или несколько из множества разнообразных медиаторов на основе его собственных возможностей доступа к ним, а также их характеристик, которые лучше или хуже выполняют конкретную коммуникативную задачу в разных ситуациях. Уровень доступа к каналам коммуникации является индикатором количества власти, которой индивид обладает в обществе.

При этом в работе установлено, что в современном мире именно этот параметр доступа к медиаторам изменяется в сторону повышения возможностей использования медиаторов массами. В современном мире доступность медиатора повышается за счет внедрения принципов экономики доступа – отдельные акторы начинают все чаще предоставлять доступ к медиаторам, которыми они владеют, во временное пользование другим акторам, тем самым формируя собственные обширные сети из пользователей, также отнимая часть власти у государства. В работе продемонстрировано, что никогда прежде в истории столь большому количеству акторов не был доступен столь обширный выбор каналов коммуникации. Элемент элитарности меньшинства за счет доступа к медиаторам, к которым нет доступа у большинства, значительно нивелировался, но все же не исчез полностью. Вместо него пришел элемент элитарности владельцев медиаторов, например, интернет платформ современных социальных сетей, которые предоставляют доступ к нему практически всем желающим.

Осуществлена демонстрация того, что параметры самих каналов коммуникации (медиаторов) обладают способностью преодолевать расстояния S за короткое время, а также способны удерживать информацию в течение заданного характером медиатора количества времени T . Причем, за масштабными социальными переменами стояли и те, и другие медиаторы, однако, чем ближе к современности, тем большее количество революционных изменений осуществили медиаторы, которые позволяли преодолевать сообщению большие расстояния за короткое время. В работе также установлено, что современные коммуникативные технологии позволяют объединить оба параметра: они позволяют быстро преодолевать большие расстояния, при этом информация на современных носителях может храниться бесконечно долго, во-первых, за счет виртуализации и фактического отсутствия носителя, который мог бы прийти в негодность, а во-вторых, за счет возможность максимально простого копирования этой информации и переноса на разные носители.

В работе было продемонстрировано, что медиаторы как точки концентрации власти представляют собой неинтенциональную власть, которая осуществляется через выполнение функции, причем медиаторы, с одной стороны, являются ретрансляторами интенциональной власти актора, а с другой стороны, сами при этом обладают способностью влияния на социальные процессы. И поскольку каждая единица сети есть некая функция внутри системы, количество власти актора внутри сети зависит от того, насколько у него много в подчинении этих самых точек концентрации власти, т.е. власть актора опирается на неинтенциональные единицы концентрации власти и зависит от способности этих единиц влиять на других акторов. Таким образом, власть медиатора осуществляется через охват большого количества акторов и навязывания своих правил коммуникаций.

Было продемонстрировано, что власть действующих в обществе политических и экономических элит сначала использует новый медиатор как способ усиления собственной власти за счет повышения элитарности. Однако затем, после того, как развитие медиатора набирает критическую массу и становится достаточно массовым продуктом, он изменяет социальную реальность и уже начинает выступать инструментом увеличения власти масс, а поскольку по массам власть расплывается широко и не концентрированно, конечный эффект от этого – это распыление вертикали власти действующих элит. Причем власть владельцев сетей, которые предоставляют к ним доступ остальным акторам, растет и также выступает фактором ослабления вертикали власти действующих государственных элит. Однако уровень снижения количества власти государственных элит все же во многом зависит от режима государства. В авторитарных режимах процессы распыления вертикали власти замедленны, поскольку наталкиваются на более жесткое сопротивление и различные сдерживающие процессы.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

В журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ:

1. *Каримов Р.Н.* Трансформация гиперреальности: от общества производящего к обществу деконструирующему [Электронный ресурс] // Гуманитарный Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана – 2018. – №8 (70). – С.3
2. *Каримов Р.Н.* Убеждение как власть медиаторов коммуникации в процессе трансляции сообщений // Национальное Здоровье. – 2018. – №3. – С. 140–146.
3. *Каримов Р.Н.* От линейных моделей коммуникаций к сетевым – эволюция и синтез [Электронный ресурс] // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – № 3 (27). – Т. 1. – С. 161–172.
4. *Каримов Р.Н.* Интерпретация и роль каналов коммуникации в сетевой модели // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018 – № 4А. – Т.7. – С.115–125.

В изданиях, входящих в международные базы цитирований:

5. *Karimov R.* Triggering intertext: replacing reality with communication // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (ICCESSSES 2018), – Paris: Atlantis Press, 2018. – Vol.283 – P. 388–393.

В сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

6. *Каримов Р.Н.* Современный человек как эмитент и реципиент в системе властных коммуникаций // Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти профессора П.К. Гречко: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – М.: Изд-во РУДН, 2017. – С. 385–391.

Каримов Рамиль Наилевич

Медиатор коммуникации как фактор перераспределения власти

Диссертация посвящена исследованию влияния развития и распространения средств коммуникации на социальные процессы и на распределение власти между ключевыми элементами коммуникации. Среди таковых автор выделяет актора, кодировщика/декодировщика, фильтр, а также медиатор, развитие и распространение которого является фактором перераспределения власти между остальными составными элементами коммуникации. В работе осуществляется анализ ключевых линейных и сетевых моделей коммуникации, динамики развития и распространения медиаторов, теорий контроля и фильтрации со стороны действующих элит, предложена новая матрица коммуникаций и авторская модель развития и распространения медиаторов.

Ramil N. Karimov

Communication mediator as a factor of power redistribution

The thesis deals with the research of the effects of the development and dissemination of means of communication on social processes and power redistribution amongst key communication elements. Among those, the author distinguishes an actor, a coder/decoder, a filter, and a mediator. The development and dissemination of mediators is the factor of power redistribution amongst other key elements of communication. The author analyses most important linear and network communication models, and mediators' dissemination dynamics, as well as theories on ways of controlling and filtering communication by current elites. The author proposes a new communication matrix, as well a new model of mediators' development and dissemination.